

УДК 159.99

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМЕЙНОЙ МИКРОКУЛЬТУРЫ

Е.Е. Сапогова^а, М.А. Горелкина^а

^а Московский педагогический государственный университет, 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1

Семейная микрокультура определена как специфическая психосемантическая реальность, порождающая у каждого из членов семьи когнитивно-образную модель самовосприятия и поведения. Представлена авторская модель семейной микрокультуры, четыре кластера которой («Семейные ритуалы и традиции», «Семейно-родственные связи», «Пространственно-предметный мир семьи», «Семейные нарративы») рассмотрены со стороны их функции, психосемантического содержания, «носителей» и социализирующих возможностей.

Ключевые слова: семья как психосемантическая система; личность; семейная микрокультура; семейные нарративы; семейные традиции; семейные родословные; пространственно-предметный мир семьи.

Введение

Содержание социокультурных макро- (этническая, политическая, экономическая, образовательная и т.д.) и микросред (родительская и прародительская семья, близкое окружение, ровесники и сверстники и т.д.), в которых непосредственно осуществляется развитие человека, является плодотворным материалом для анализа механизмов трансляции аккумулированного общечеловеческого опыта, опредмеченного в артефактах культуры, социальных ролях, традициях, моделях поведения, формах выражения эмоций, ментальных схемах, установках и т.п. Как бы ни складывались отношения внутри семьи, влияние поведения, дискурсов, индивидуального стиля, субкультуры ее членов на личностное становление и последующую жизнь человека трудно переоценить [1, 2]. Независимо от того, идентифицируют себя родственники как члены единой семьи или нет, хотят или не хотят перенимать особенности ее уклада и ментальности, семейная микрокультура наполняет и организует их внутреннее личное пространство, прямо и / или косвенно воздействуя на каждого [3–5] и фиксируясь в ценностно-смысловой и эмоциональной сфере. Поиск механизмов и форм идентификации личности с семейной микрокультурой, закрепляющей значимый опыт взаимоотношений членов рода с социокультурной реальностью, является актуальным исследовательским предметом [6–9].

Семья, ее родословная и повседневный быт, система внутренних привязанностей, общие переживания и психологическая интимность родствен-

ных отношений являются ближайшей и максимально значимой сферой становления личности, средством приобщения ее к смыслам и семантикам того социокультурного пространства, в котором в дальнейшем будет протекать ее жизнь. Именно семья транслирует первичную оценку действительности и выстраивает базовое отношение к ней, причем с позиций самой семьи, в которой осмысление и «оценка описываемых событий зависят исключительно от того, какое значение имело данное событие для данной семьи» [10. С. 9]. Именно в ней диктуется стартовый характер восприятия объектов и ситуаций, строятся эмпирические типизации сфер реальности, расставляются смысловые и оценочные акценты, определяется прагматика разнообразных взаимодействий. Именно во внутрисемейном пространстве формируются глубинные языковые конструкции, тексты и дискурсы для описания себя и мира, закладываются цели и способы комфортной адаптации к реальности. Потребность в научном осмыслении функций и практик семьи в этом ключе приобретает особую значимость.

В современных исследованиях семья обычно рассматривается в двух ракурсах: как социальный институт [11–13] и как малая группа [14, 15]. Мы предлагаем дополнить эти подходы еще одним измерением: семья может быть понята как особая *микрокультурная (психосемантическая) система*, последовательно осуществляющая определенные «настройки» сознания младших поколений, которые не только сохраняют и воспроизводят во времени семейную социализирующую «вертикаль», но и способствуют адаптации ее членов к широкому социокультурному окружению, средства, формы и стратегии которого проверены «на истинность» и приняты как эффективные конкретным семейным сообществом. Отдельные семейные микрокультуры обеспечивает также и общую базисную устойчивость макрокультуры, предполагающую не только семиотические связи, но и выработку в определенном социуме единообразных правил поведения, коллективной памяти, общей для этноса картины мира. Помимо этого, семейная микрокультура выступает как инструмент, помогающий человеку «раздвинуть свою собственную природу» [16. С. 26]: с ее помощью люди не только легко понимают друг друга, но и поддерживают символическую связь друг с другом и предками, прошлым и настоящим рода, обеспечивают переживание «Мы-идентичности».

В рамках разрабатываемого нами экзистенциально-нарративного подхода мы предлагаем понимать семейную микрокультуру как выстраиваемую в ходе становления рода *психосемантическую реальность, воспроизводящую себя во времени и порождающую у каждого из ее членов когнитивно-образную модель самовосприятия, поведения, жизни в целом* («жизненный мир» конкретного субъекта). Это форма *семейной субъективности*, появляющаяся как результат складывающегося на протяжении времени совместного существования нескольких поколений семьи особого *психологического уклада жизни* [17]. Такой уклад постепенно стабилизируется за счет долгого времени существования семьи, стилистики, плотности и значимости поддерживаемых между родственниками связей, повто-

ряющихся условий социализации, общей социокультурной базы и т.д. Важно, что его влияние на ребенка начинается очень рано, поначалу адресуется бессознательному и в дальнейшем не выбирается и не подвергается особой критике, переживаясь сознанием как единственно возможная данность, «истинность», поскольку у ребенка нет вариантов для сравнения. Психологический семейный уклад воспринимается как регулятор и предиктор семейного существования личности.

За счет регулярно повторяющегося и в каком-то смысле ритуализированного взаимодействия (приветствия и прощания, утешения и осуждения, мотивирования и ограничения, временной регламент жизни, праздники, совместное времяпрепровождение, традиции игр, чтения, семейных советов, привычки и пр.) происходит усвоение человеком информации о подлежащих исполнению и последующему воспроизведению одобренных старшим поколением поведенческих моделей, оценочных систем, смыслов, способов эмоционального самовыражения, стратегий, целеполагания и пр. Общность жизни позволяет достигать *внутрисемейного психологического схождения* (в интересах, занятиях, чувстве юмора, вкусах, предпочтениях, привычках и пр.), обычно оцениваемого каждым членом семьи позитивно и ценностно.

Одновременно посредством приобщения новых членов семьи к семейной микрокультуре семья утверждает свою уникальность и единство, поскольку любой человек нуждается в чувстве принадлежности к ценностному, смысловому и символическому содержанию референтного сообщества, к живой, актуально формирующейся и функционирующей памяти и общим социокультурным ритуалам. По словам У. Джемса, у человека появится «столько же социальных “Я”, сколько индивидов, которые признают его и имеют представление о нем» (цит. по: [18. С. 119]).

Семейная микрокультура в целом – достаточно подвижная система, ассимилирующая значимый опыт не только каждого поколения, но и отдельных представителей фамилии. Более того, семейная микрокультура всегда вписана в широкие общекультурные, политические и социально-экономические фреймы своей исторической эпохи и в этом плане может быть понята с позиций «теории поколений» [19–21]. Тем не менее она имеет особый психосемантический костяк, значимое «ядро», состоящее из комплекса концептов, установок, убеждений, прививаемых новым поколениям привычек и прочего, незначительно изменяющихся на протяжении некоторого времени. Используя эмоционально и семантически насыщенные формы вербальной и невербальной коммуникации (утешения, наставления, толкования, оправдания, предостережения, интуитивного вчувствования друг в друга и пр.), осознанные как «истинные» и ассимилированные семьей устойчивые жизненные «уроки» (личные истории, семейные предания, индивидуальные биографии членов семьи и т.п.), семья выполняет в отношении взрослеющего субъекта ряд специфических функций – нарративную, инкультурационную, интертекстуальную, социализирующую, запрещающе-наказующую, предостерегающую (регулятивную) и т.д. Тем самым

микрокультура семьи и индивидуальные субкультуры членов семьи выступают уникальным *семанτικο-символическим ресурсом* становления взрослых в ней детей.

Постепенное осознание развивающимся человеком того факта, что семья имеет большую власть над ним, являясь в каком-то смысле демиургом его самосознания и будущей судьбы, заставляет его быть чувствительным к разнообразным, в том числе и неявным, сигналам, исходящим из внутрисемейного коммуникативного пространства, наблюдать и изучать особенности поведения и характеристики личности членов семьи, перенимая или отвергая их, приспосабливаясь к ним и ставя (или снимая) определенные задачи для построения собственных моделей взаимодействия с другими людьми, социумом и миром в целом. Об этом косвенно свидетельствует интерес людей к собственным «корням», «истокам» – семейным родословным [10], закрепленным в форме внутрисемейных нарративов [22]. Такие нарративы функционируют во внутрисемейной реальности в форме ассоциативно связанных сюжетов, образов семейных персонажей и событий, свидетелями которых были члены семьи, вневременных «моралите» и выполняют прецедентную функцию. Кроме того, они ложатся в основание жизненных убеждений и принципов, которым личность следует в жизни [23].

«Семейная семантика», пронизывающая повседневную жизнь человека, включает огромное разнообразие типов воздействий: это знаковость среды обитания и находящихся в ней вещей, знаковость внутренней организации пространства жилища, знаковость привычного и ритуального поведения, знаковость социализации и ее институтов, знаковость коммуникации и используемых в ней языков и т.д. Ребенок, оказавшийся в конкретной микрокультуре, под ее воздействием обретает знание кодов своего хронотопа и социальной среды, которые впоследствии функционируют как *прецеденты*, организуя и фильтруя работу сознания и самосознания. Понятно, что эти коды различны: в зависимости от того, воспитывается ли ребенок в семье или в детском доме, живет ли в большой многодетной семье или является единственным ребенком в нуклеарной семье, общается на одном или нескольких языках, существует в условиях материального достатка или бедности, социализируется в рамках религиозного или светского уклада и т.д., выстраиваются уникальная констелляция его самовосприятия и личная «дорожная карта» собственной жизни и развития. В дальнейшем это помогает ему ответить на вопросы: кто есть я? зачем я есть? какой я? чего я хочу от жизни? каково мое предназначение в ней? что я должен делать, чтобы чувствовать внутреннюю удовлетворенность от того, что я есть и что я именно такой, а не другой? Подобные воздействия, будучи интериоризированными достаточно рано, иногда еще на досознательном уровне, способствуют постепенному становлению его собственной *субъективной микрокультуры*.

При анализе семейной микрокультуры [7–9, 24] обнаруживается, что транслируемые семейным окружением сигналы несут широкий спектр установок, касающихся не только становления личностных или мировоз-

зренческих характеристик ребенка, но и «настроек» сознания, определяющих последующий выбор им жизненных стратегий и внутренних экзистенциальных стратегем (модусов жизни), форм самопрезентаций, а также самовосприятия. Например, сознательно или бессознательно транслируемая ребенку установка «Мы – бедные» порождает стратегию привычно экономной жизни («Без этого я могу обойтись»), при которой человек считает правильным отказывать себе, а впоследствии и близким, во многом, что не считает минимально необходимым для жизнеобеспечения и чувства удовлетворенности жизнью, возникающим от осознанного самоограничения («Я – бедный»). Впоследствии такой человек, даже сумевший обеспечить себе финансовый достаток, реализует данную стратегию в разных типах поведения, порождая в самосознании и сознании других определенный образ себя («честный бедности», «аскетизма», «самоограничения», «личной скромности», «неприхотливости» и т.д.), воспринимаемый как должный.

Родители, полагающие свою внутрисемейную позицию однозначной и неизменной, нередко вообще не догадываются, что взрослеющий ребенок не только знает о них больше и понимает их лучше, чем им бы хотелось, но и вписывает их микрокультурный образ в модели собственного поведения, жизненные стратегии и экзистенциальную транспективу. Отметим, что, вопреки традиционным убеждениям о преобладании в семейной социализации женского влияния, значимую роль здесь нередко играют отцы: в частности, семейное поведение отца задает модель будущего семейного поведения детей (особенно сыновей), выстраивает психосемантические основания семейной целенаправленности [25]. Родители и семейное окружение в целом на протяжении всей жизни человека остаются для него *сверхзначимыми Другими*, наделенными особым – экзистенциальным – статусом в «картине мира» [26].

Обращаясь к анализу семейной микрокультуры, мы предлагаем понимать ее как особую *прецедентную психосемантическую реальность*.

Прецедентный характер ее содержания включает ряд аспектов, главный из которых состоит в том, что она выстраивает досознательное *обобщенное предзнание* субъекта о себе, жизни и мире, предваряющее в ряде случаев его собственный опыт взаимодействия с окружением. Основу такого доопытного предзнания составляют заданные семейным микрокультурным фреймом тексты, образы, смыслы и пр. В свое время Э. Эриксон, хоть и не обращая напрямую к его экзистенциальной сущности, частично фиксировал его характеристики в понятии наличия / отсутствия у ребенка базового доверия к миру [27]. Он связывал его преимущественно с качеством материнской заботы, но, как думается, оно легко транспонируется на общее содержание семейной микрокультуры, создающее и последующий образ «Я», и доверие человека к самому себе [28], и общее отношение к осваиваемой реальности. Смысл влияния прецедентов на человека состоит не в их воспитательной или просветительской функции, а именно в их первичности, *прецедентности* [29. С. 47], поскольку первые «инвокации» семейной микрокультуры адресуются фактически еще бессознательному и прочно фиксируются в нем.

Семейная микрокультура, несмотря на кажущуюся «локальность», имеет широкий социализирующий охват: она транслирует взрослому субъекту ассимилированный семьей опыт, обобщенно подходящий к целому ряду ситуаций, которые семья считает значимыми и которые потенциально могут встретиться на жизненном пути человека. Он впитывает опыт не столько как образец для подражания и механического воспроизведения, сколько как естественно понятный и кажущийся простым *общий модус*, скрытую в повседневности и одобряемую окружением логику поведения, как общий сценарий, как опробованную семьей стратегию. Впоследствии сам человек может ассоциативно переносить этот опыт на новые жизненные ситуации, используя в качестве инструмента саморегуляции, но может, проверив их на собственном опыте, и отвергнуть или изменить его. Если появившиеся в семье иные поведенческие модели, стратегии или новые смыслы окажутся актуальными сразу для многих ее членов, они имеют шанс закрепиться в семейной микрокультуре и будут переданы следующему поколению посредством прямых наставлений и / или трансляции семейных апокрифов.

Семейная микрокультура отвечает и за знаковые системы, которые в качестве орудия идентификации и понимания человек будет применять как в отношении самого себя, так и в отношении других людей и ситуаций, использовать их как своеобразную «мерку» для оценки их качеств и характеристик. Она создает своеобразную *семантическую зону ближайшего развития*, реализуемую во внутрисемейном взаимодействии: если транслировать ребенку значимые семейные ценностно-смысловые концепты (уступчивость, толерантность, скрупулезность, благородство и тому подобное или, наоборот, нетерпимость, пренебрежение, подозрительность и т.д.), он постепенно привыкает «измерять» себя и других именно в этих единицах, не предполагая до определенного возраста, что существуют и другие. Разнообразие знаковых систем способствует стереоскопическому видению самого себя и окружения. Образы и метафоры, содержащиеся в семейной микрокультуре (например, модели хорошего и плохого поведения, образы хороших и плохих людей), становятся первичными ориентирами при выборе привычного поведения, стратегий взаимодействия, модуса существования. Когда Л.С. Выготский говорит, что ребенок постепенно осваивает возможность применять по отношению к себе те приемы, которые используют по отношению к нему взрослые [30. С. 131–132], то естественно продолжить его мысль в том плане, что и в самоорганизации, планировании, осуществлении собственной жизни человек также идет от накопленных в первичном социуме семьи приемов и образов.

Семейная микрокультура фиксирована в комплексе разнообразных вербальных и невербальных текстов, понимаемых семиотически – как осмысленные последовательности знаков, несущих информационный, эмоциональный или побудительный посыл, принятых семьей и репродуцируемых во внутрисемейных дискурсах несколькими поколениями. В первую очередь это относится к предлагаемому детям «кругу чтения», эмоционально-

телесному коду общения, семейным архивам и меморатам и пр. В этом плане семейная микрокультура является хранилищем микрокультурной памяти о тех аспектах бытия, которые выделены семьей как значимые. Здесь могут быть выделены обязательные и факультативные зоны, полузакрытые (и открывающиеся с возрастом или сменой статуса) и запретные (болезни, сумасшествия, преступления и неблагоприятные поступки, совершенные членами семьи), но идея хранения *определенных значений* (смыслового «ядра») остается всегда: то, что семья выделила как *экзистенциальный опыт*, удерживается в ее артефактах и нарративах в течение длительного времени. Будучи фиксированными в сознании, *они функционируют как априорные когнитивно-эмоциональные схемы и цепки семантических единиц* и используются как «мерки» для ориентировки в реальном и ментальном пространствах, постепенно обрстая личностными смыслами.

Некоторые тексты появляются в жизни развивающегося человека как еще *«до-жизненно-опытный» образец*, в дальнейшем определяющий собой бессознательный, а порой и осознанный выбор и восприятие других образов, единиц, текстов, особенно тогда, когда в отношении описываемых ими реалий у человека нет собственного опыта и, соответственно, возможностей критического анализа – тогда он обращается к семейному микрокультурному ресурсу, а если и это не помогает – к ресурсам «большой» культуры (народной мудрости – пословицам, поговоркам и пр.). Опора на концепты семейной микрокультуры делает окружающий мир «знакомым», размеченным в событийном и смысловом планах. Постепенно семантические единицы, образы и схемы семейной микрокультуры становятся *феноменами индивидуальной семиосферы*, и даже тогда, когда некоторые из них утрачивают актуальное хождение в современном хронотопе, в «большой» культуре или микрокультуре отдельных сообществ, они могут продолжать «жить» в индивидуальной субкультуре отдельной личности как наследие микрокультуры семьи. В этом случае можно говорить об их срастании с мифологемами и символами конкретной личности в общей структуре ментальности.

Отдельно стоит подчеркнуть, что микрокультурный семантический ресурс не всегда продуктивен и актуален. Вместе с прецедентными текстами люди усваивают большое количество фикционных идей [31] и основанных на них поведенческих моделей, которые, может быть, и оправдывали себя на предшествующих этапах существования семьи, но утратили часть смыслов, перестав быть значимыми для современных поколений. Часто они бывают результатом определенной идеологии, личных убеждений взрослых и пожилых членов семьи, непродуктивных установок сознания, особенностей личности и т.п.

Собственно, микрокультура семьи никогда не бывает полностью контемпоральной, ее содержание всегда сохраняет в себе ряд «отживших» единиц, ведь чтобы попасть в семиотический ресурс, их содержание должно «отстояться» и пройти проверку «на истинность» в течение некоторого времени, за которое иногда утрачивает злободневность. В этом плане ее

можно считать всегда слегка запаздывающей в своем развитии по сравнению с макрокультурой. Более того, она никогда не бывает и содержательно полной, относясь лишь к наиболее общим, «сильным» событийным точкам жизни, значимым для семьи, оставляя простор для изменений и активности личности в индивидуальном постижении действительности. Эта обязательная содержательная неполнота микрокультуры детерминирована тем, что современная динамичная жизнь порождает большое количество новых ситуаций и схем действия в них, поэтому семейная микрокультура вынуждена становиться «творческой» системой, на ходу приспосабливающейся к новым условиям. Заставляя рефлексировать новый опыт, семейная микрокультура способствует становлению аутентичности.

Метод

Исходя из данных тезисов, мы построили общую структурно-содержательную модель семейной микрокультуры, выделив в ней четыре кластера: «Семейные ритуалы и традиции», «Семейно-родственные связи», «Пространственно-предметный мир семьи» и «Семейные нарративы». Они были выделены условно для исследовательских и педагогических целей, поскольку функционируют как единое, имеют множественные глубинные связи друг с другом и в целом способствуют становлению личности и формированию жизненной стратегии.

В построении авторской модели использовался метод теоретического анализа с целью понимания и – главное – исследовательской операционализации сути феномена семейной микрокультуры, с тем чтобы далее его можно было бы изучать эмпирически, а также использовать практически в специальных коррекционных, развивающих и терапевтических программах. Предметом авторского осмысления стали не только библиографические источники с большим междисциплинарным потенциалом в изучении содержания и функций семейной микрокультуры (философские, исторические / документальные, социологические, демографические, этнографические, культурологические, антропологические, лингвокультурологические, педагогические, психологические и др.), но и возможности разрабатываемого авторами экзистенциально-нарративного подхода в объяснении вклада психосемантики внутрисемейного пространства в развитие личности ребенка и ее последующих проекций, в организацию ею своего жизненного пути. Кроме того, к анализу были привлечены результаты исследовательской работы авторов и материалы многолетней консультативной практики Е.Е. Сапоговой, связанной с анализом автобиографических нарративов и личных историй респондентов.

Результаты исследования

Анализируя семейную микрокультуру в указанном выше контексте, мы предположили, что актуализация в социализации кластера «Семейные ри-

туалы и традиции» способствует становлению *базовых схем и моделей взаимодействия* человека с окружающей реальностью и тем самым коррелирует с поведенческой частью становящейся «Я-концепции». Кластер «Семейно-родственные связи» способствует становлению *когнитивно-образных представлений о себе* в контексте существования других членов семьи и рода в целом, переживания внутрисемейного психологического сходства и даже ощущения себя продолжателем некоей «семейной миссии», носителем значимых для семьи смыслов. Кластер «Пространственно-предметный мир семьи» «материализует», делает реальными разные аспекты существования семейного сообщества во времени и во многом способствует укоренению себя в действительности, формирует семантико-символические связи человека и рода и тем самым способствует развитию *эмоционально-оценочной сферы личности*. Наконец, кластер «Семейные нарративы», максимально интегрируя в себе воздействия на все стороны «Я-концепции», акцентирован на *ее ценностно-смысловых и мотивационных составляющих*, способствуя индивидуации и позволяя осуществляться не только прямому воздействию микрокультуры на личность, но и обратному – личности на дальнейшее развитие ее содержания.

Ниже мы рассмотрим четыре стороны каждого кластера модели:

- 1) его специфическую функцию в семейной микрокультуре;
- 2) его психосемантическое содержание;
- 3) действенных и / или предметных «носителей» этого содержания;
- 4) «точки приложения» – социализирующие возможности, закрепляющие определенные значения и смыслы в структуре автобиографической памяти личности.

Кластер «Семейные ритуалы и традиции» включает в себя разноплановые элементы социокультурного опыта, передаваемые от поколения к поколению и сохраняющиеся в конкретной семейной группе в течение длительного времени за счет коллективно переживаемых чувств. По большей части они концентрируются вокруг значимых событий человеческой жизни – появления на свет, получения образования, женитьбы, рождения детей и т.д. Они могут быть в той или иной мере развернутыми со стороны реализующих их действий, могут относиться к разным аспектам жизни (праздникам, семейному чтению, совместному жизнеобеспечению и досугу и т.д.), но главное состоит в *актуализации совместных чувств* по разным поводам, которые сплавивают и объединяют членов семьи, часто вне их специальной когнитивной рефлексии.

Семейные ритуалы и традиции тяготеют к неизменчивости, клишированности: к устойчивому и регулярно воспроизводимому комплексу действий, норм, представлений, правил и образцов. В семантическом пространстве семьи они функционируют не столько как совокупность заданных извне житейских общеобязательных форм поведения, апеллирующих к гражданскому долженствованию и требующих скорее демонстрации, чем истинного переживания, сколько как варианты доказавших на практике свою необходимость моделей поведения и принципов совместного существования

членов семьи, насыщенных концентрированными эмоциями («не высовывайся», «не давай в долг», «каждые выходные пеки блины по бабушкиному рецепту», «на свадьбу обязательно надевай старое, новое, чужое, голубое», «никогда не покупай гладиолусы на дни рождения детей», «сажай на могилah родственников сирень», «пусть дети обязательно прочитают “Динку”» и пр.).

Функция ритуалов и традиций состоит в интеграции членов семьи, придании им внутрисемейного психологического сходства, в их *сплочении за счет регулярного переживания совместных эмоций*. Ритуализация семейного существования повышает возможности идентификации, взаимного узнавания и взаимопонимания («понимаем друг друга с полуслова»), подкрепления мотивации солидарности (чувства «Мы») и взаимопомощи («один за всех и все за одного»). Вовлекая в традицию и ритуал ребенка, семья не только приобщает его к истории рода, но и каждый раз транслирует внутрисемейную поведенческую норму.

Психосемантическое содержание кластера разнообразно. Совместное чтение, посещение выставок и театров, коллективные путешествия и отдых, общие праздники, семейные советы и прочее могут принимать как устойчивую, ритуализированную (совместная лепка пельменей, рубка капусты, выпекание печенья по семейным рецептам, а также организация крестин, свадеб, похорон и т.д.), так и свободно-творческую форму (вместе придумывают фасон, кроют и шьют одежду, делают самодельные открытки на дни рождения, планируют путешествия в отпуске, вместе делают ремонт, строят дачу, баню и пр.). Значения, транслируемые во время семейных мероприятий («мы вместе», «мы едины», «мы – семья» и т.п.) призваны провести условную границу между «Мы» («Свои») и «Не мы» («Они», «Чужие») с целью подчеркнуть реальные или мыслимые достоинства семьи, указать каждому члену на преимущества принадлежности к ней.

«Носителями» семантики этого кластера являются привычные поведенческие схемы для определенного, регулярно повторяющегося набора ситуаций: это традиции выходного дня, традиции празднования дней рождений и знаменательных событий в жизни семьи (юбилеев, особых успехов, окончания школы, свадеб, похорон и пр.), совместные семейные игры, традиции гостеприимства, совместные прогулки, совместное приготовление традиционных семейных блюд и др.

Современные жизненные условия (урбанизация, глобализация, виртуализация и т.п.) нередко отрывают людей от старых традиций, служащих подтверждению чувства коллективной заботы членов семьи друг о друге. Нехватка времени, расстояния, социальный лифтинг, возможности смены статуса отдельными членами и ветвями семьи и тому подобное выстраивают многочисленные препятствия для сохранения традиционной многопоколенной семейной инфраструктуры [32, 33], и это заставляет изменяться форму и содержание ритуалов и традиций (ближайшим примером тому могут быть семейные видеоконференции-«кофепития» на дни рождения в период COVID-19 вместо традиционных семейных застолий). Тем не ме-

нее даже в «осколках» люди стремятся их сохранять и поддерживать, поскольку это входит в их представления о дружной, сплоченной, хорошей, а главное – правильной семье, которой они достойны.

Отказ от поддержания традиций, хотя на первый взгляд не выглядит серьезной опасностью, нередко «работает» на разобщение и отчуждение близких людей; пренебречь ими или отказаться от участия в них в каком-то смысле означает отказаться от самого себя как принадлежащего к семье, роду.

Социализирующие возможности этого кластера корреспондируют с поведенческой и эмоциональной составляющими «Я». «Точкой приложения» здесь можно считать временную разметку человеческого существования, ритмизирующую и упорядочивающую жизнь каждого члена семьи. Традиции и ритуалы обычно «привязаны» к нормативным событиям и задают *символический порядок жизни* [34, 35]. Актуализация концептов «повторяемость», «цикличность», «неизменность» и других, сопровождающая их соблюдение, помогает поддерживать у членов семьи переживание фамилистичной связи друг с другом и уходящим в историю кругом предков. Как следствие, создается чувство внутреннего единства («Это мы, и мы гордимся тем, что мы – это мы»), защищенности и родственной заботы, символически гарантирующей личности защиту от исчезновения.

Еще в большей степени за это «отвечает» **кластер «Семейно-родственные связи»**, опирающийся на внутрисемейные родословные. Последние представляют собой обязательные для трансляции рассказы о происхождении рода, изложенные в определенной исторической последовательности и нередко дополненные личными историями о событиях, свидетелями и / или участниками которых были члены семьи, их объяснениями и оценками этих событий [10]. Разделяя кластеры «Семейно-родственные связи» и «Семейные нарративы», мы обратили внимание на разные психологические фокусы семейной оптики: в первом случае речь идет о фактах и событиях, пережитых семьей в контекстах исторического времени, во втором – преимущественно о рефлексии единичного опыта, обретенного в ходе собственной жизни, и его значении для опыта других членов семьи. В этом плане нарративы носят более личностный, интимный, адресованный близким людям характер и в целом более субъективны, чем родословные. Иными словами, в первом случае в центре внимания рассказчика время, на которое пришлось его жизнь, во втором – собственная жизнь во времени, ее индивидуальные уроки.

Содержание этого кластера задается необходимостью передачи новым членам семьи информации об истории рода, целью которой является позиционирование каждого из них в «Мы»-ряд «предки–потомки». Это важная **функция**, поскольку она создает переживание неслучайности собственного существования, общности, укорененности субъекта в реальности через принадлежность к длящейся во времени родственной цепочке. Этот кластер призван *актуализировать процессы внутрисемейной идентификации*, заставляя искать и / или выстраивать сходство с другими членами семьи.

В этой связи в одной из наших работ [26] было введено понятие «*длящейся (трансмиссионной) идентичности*», позволяющей усматривать в числе своих характеристик якобы унаследованные от предков качества и способности («говорят, я такая же умелая, какой была прабабушка с материнской стороны», «мать всегда говорила, что я по характеру – вылитый ее дед»). К этому «психологическому наследству» у личности нередко бывает особое отношение: оно воспринимается как косвенное подтверждение значимости, необходимости собственного существования.

Ключевые концепты *психосемантического содержания* этого кластера («род», «семья», «предки», «близкие», «фамилия», «сходство», «одинаковость», «общность», «общая судьба» и т.п.) оказываются особым *средством самопознания*, своеобразной меркой сравнения себя и своей жизни с другими, живущими и ушедшими, членами семьи и особенностями их биографии. Это создает своеобразную возможность представлять собственный образ во временной *метаперспективе* и либо устремляться к нему, либо уклоняться от него («Таким, как дед, я стану / не буду, когда мне будет N лет»). Это вписываемое в родословную «отзеркаленное Я» нередко оказывается внутренним ориентиром в лиминальных ситуациях («А что бы сделал отец в этих обстоятельствах?», «А что бы мне на это сказала бабушка?»), в кризисах и стрессах, в условиях смысложизненных выборов, при смыслоутратах.

Семейные родословные содержат информацию практически о каждом члене семьи, хотя и представленную в ней неравномерно – по разным причинам (психическая болезнь, ранняя смерть, алкоголизм, неблагоприятность деяний и пр.) о ком-то в семье говорят больше и чаще, кого-то только изредка упоминают. В целом же содержание внутрисемейных родословных достаточно канонично и вращается вокруг фактов, связанных с рождением, получением образования, браками и разводами, детьми, профессией и работой, смертью, и все это – с «детализацией, укрупнением деталей» [36. С. 61], частым присутствием «рассказа в рассказе» за счет возникающих по ходу изложения ассоциаций.

«*Носителями*» семантики этого кластера становятся *тексты и гипертексты* родословных (устные или письменно зафиксированные, например, в дневниках, меморатах, семейных хрониках), внутренним смысловым центром которых являются семья, род. Это рассказы, описывающие ключевые моменты жизни прадедов и прабабушек, бабушек и дедушек (по материнской и отцовской линиям), отца и матери, самого субъекта, его собственных детей и внуков, а также – реже – сиблингов, их детей и внуков. Движение повествования обычно идет из прошлого в будущее и может включать временные и содержательные параллели с другими ветвями рода. Сами тексты могут быть в большей или меньшей степени «олитературены» или документально-фактологичны, могут опираться на генеалогию или излагаться пристрастно (в случаях конфликтов между ветвями рода или отдельными членами семьи), могут включать отступления и фрагменты других текстов, апелляции к определенным оценкам и чувствам. Взятые

вместе, они образуют огромный информационный массив, который дополняется *визуальной микрокультурой семьи*, главным элементом которой являются семейные фотоальбомы.

Социализирующие возможности этого кластера адресованы прежде всего построению когнитивно-образных представлений человека о самом себе через косвенную культивацию определенных характеристик, встречающихся в истории семьи и одобренных ею. Рассказывая об истории рода, старшие члены семьи обычно указывают на желательные и нежелательные в данной семье качества, достойные и отрицаемые характеристики, явные и неявные плюсы и неприемлемые минусы жизни предков. Часто это делается в контекстах успешности / неуспешности и завершается житийским моралите.

Добавим, что сегодняшние сетования на незнание и отсутствие желания поддерживать семейно-родственные связи, как и апелляции к тому, что в старину все были обязаны помнить своих предков, связаны с утратой этим знанием актуальной прагматики. Мир, в том числе и семейный, плавно дрейфует к индивидуализму, обусловленному ростом экономического благополучия населения, возможностью существовать вне поддержки рода. Сегодня доказательство родства необходимо скорее для подтверждения имущественных и социальных прав, чем для удовлетворения потребности в близкородственных связях. «Генеалогическое забвение» становится нормой, тем не менее снижение прагматической ценности поддержания семейно-родственных связей не снижает и тем более не уничтожает ценность психологическую. Получая возможность сравнить себя и свою свершающуюся «здесь-и-сейчас» жизнь с семейными моделями, личность корректирует саморазвитие, стимулируя, к примеру, социальный лифтинг, стремясь к финансовому благополучию, самостоятельности, культивируя в себе «уклоняющиеся» от признанных в семье характеристики.

Кластер «Пространственно-предметный мир семьи» представляет собой комплекс артефактов, приобщающих субъекта к семейной истории через вещи и привычные для семьи способы организации «пространства обитания» (теснота или простор, заполненность вещами или минимализм, преобладание вертикалей или горизонталей, зональность и пр.). Их воздействие на человека несомненно, поэтому неслучайно в последние годы наблюдается ренессанс исследовательского интереса к феноменологии материального мира [37], являющегося частью микрокультуры семьи.

Носителями семантики этого кластера являются:

1) дом, отчий дом, родной дом, дом детства, первый собственный дом, дом бабушки и дедушки (дом предков) – пространство, отождествляемое с местом принятия, комфорта, защищенности, пространство фамилистичной «со-в-местности» [24. С. 124], а также отдельные его части – дворы, чердаки, подвалы, коридоры и т.д.;

2) предметы жилого интерьера, структурирующие пространство – мебель, лампы, «домашний очаг» и т.п., которые отождествляют временную связь родственных поколений;

3) предметы быта – посуда, утварь, полотенца и занавески, декоративные предметы и пр., символизирующие «присутствие» близких людей в микропространстве субъекта;

4) культурные артефакты – иконы, книги (библиотеки), инструменты, украшения, картины, фотографии, предметы, сделанные своими руками, домашние коллекции и т.д.; они символически увязывают в субъективном пространстве членов семьи прошлое с современностью;

5) любимые близкими «люкусы» и «топосы», нередко на место чего-то в их жизни «первого», «последнего», «постоянного» или «главного»;

6) любимая или «знаковая» еда, ритуально связанная с праздниками, днями рождений, встречами и проводами и т.д.;

7) предметы с характерными запахами и звуками – материнские духи, запах старого шкафа, патефон, примус, скрип двери или половицы, стрекотание проектора и связанные с ними семейные апокрифы и воспоминания;

8) предметы детства – игрушки, детские «коллекции», первые школьные тетради и т.п.;

9) реликвии – единичные вещи, олицетворяющие для человека его род, семью, дух дома и пр., а также фотоальбомы, киноархивы, сборники семейных меморатов, «песенники» и т.д.;

10) овеянные символы, фиксирующие «самость» рассказчика (зарубки о росте на дверном косяке, «свои» комната, стул или чашка);

11) одежда и многое другое [22].

О. Шпенглер писал об этом так: «Дом и равным образом основные, т.е. употребительные формы утвари, оружия, одежды и посуды принадлежат к тотемной стороне бытия. Они характеризуют не вкус, но навыки борьбы, жизни и работы» [38. С. 432–433].

Говоря о вещной составляющей этого кластера, прежде всего имеют в виду *семейный реликварий* – единичные вещи (украшения, посуда, картины, детские вещички, уникальные фотографии предков, письма, локоны и т.д.), которые бережно передаются из поколения в поколение, но также и предметы, которые привычно окружают личность (отцовские инструменты «в нижнем ящике», фотоальбом «на третьей полке», «материнское вязание «на столике у кресла» и т.п.), создают ощущение уюта, фамилистичности и временной стабильности. Привычные вещи родительского дома (пространства взросления) нередко сами по себе несут психотерапевтический эффект.

«Распаковывая» свое психологическое содержание в ментальной и поведнительной активности владельцев, вещи из семейных реликвариев способны воссоздавать эпизоды запечатленной в них жизни семьи, обретая психологические *функции*: смысловую, мемориальную, экзистенциальную, лирическую, эстетическую, эмоциональную и т.д. Особенно отчетливо это осознается, если вещь исчезает (кто-то разбивает старую чашку, теряет бабушкино колечко и т.п.) или сам владелец уходит (из жизни или из семьи), оставляя вещь, «впитавшую» в себя его характеристики, состояния, интересы и пр. Для членов семьи такая вещь свидетельствует не столько о себе самой, сколько о людях, которым принадлежала, и о пережитых ими

событиях. В каком-то смысле такая вещь выступает как принадлежность субъекта / семьи, и именно поэтому с предметами из реликвариев часто связаны семейные предания, приметы, предзнаменования.

Психосемантическое содержание вещиности состоит в том, что, будучи сохраняемыми во времени, вещи «удерживают» в себе коллективную память о событии, ситуации, обстоятельствах их бытования в семье, а также отношение к ним и устойчивые переживания по их поводу. Иными словами, семейное сознание превращает их в нечто «надвещное», в знак – нечто *сверх того, чем они являются по своей физической природе* («вещезнаки», символы): за предметом всегда стоит (и вместе с ним передается) определенная ценность, значение (например, «бережливость», «вера», «эстетический идеал», «вагабондизм», «скромность» и пр.). Сохраняемые в семье вещи обычно функционируют как знаки и символы, хотя могут продолжать выполнять и свои «вещные» функции и использоваться в повседневном обиходе семьи.

Получив от субъекта «квант смысла», вещь маркирует собой связанный с ней фрагмент опыта не только в объективной, но и в субъективной системе координат, где игрушечный мишка с оторванным ухом, которым играли два поколения детей в семье, или простенький бабушкин крестик, полученный ею от своей бабушки, могут значить неизмеримо больше, чем некая дорогостоящая собственность. Превращаясь в знак, вещь «переключает» культурный контекст, впитывая в себя именно то, что значимо для семьи, памятно для нее, и сохраняет в себе необходимые семантические единицы («преемственность», «совместность», «общность», «семейственность» и др.).

В семейной микрокультуре вещи используются в качестве посредников для переживаний общности, символической передачи определенных смыслов и потенциалов от поколения к поколению. Механизмом является *временное совмещение, семантическое наложение двух рядов событий*: один образован неким значимым событием собственной жизни субъекта, для которого нужен дополнительный психологический ресурс, второй – сходным происшествием прошлого, смыслы, итоги и эмоции которого психологически объективированы и концентрированы в вещи. «Совмещение реальностей» в семейной микрокультуре *обеспечивает символическую связь поколений*, образуя «вневременное настоящее». Как пишет А. Шюц, «смысл – это не качество, присущее определенному опыту, возникающему в нашем потоке сознания, а результат интерпретации прошлого опыта, увиденного из настоящего сейчас при рефлексивной установке» [39. С. 4].

Что же касается повседневной вещной реальности, то она является хорошим накопителем семейной микрокультуры и иллюстратором бытующих в ней потребностей, привычек, интересов. Довольно часто в ней есть своеобразная иерархия: для кого-то максимально притягательными смыслами обладают зеркала, для кого-то – часы, книги, фотографии и пр. [22]. Через анализ предметной среды семьи можно выйти на систему бытующих в семье концептов («бедность», «честность», «болезнь», «аккуратность»,

«чистота» и др.), отражающих представления членов семьи о самих себе, родственности, близости, общих целях и ценностях, принципах, внутрисемейных стратегиях.

Значимость трансляции концептов этого кластера («совместность», «общность», «единство», «сходство». «повторяемость» и др.) состоит в своеобразной психологической отсылочности: «отталкиваясь» от вещи, человек актуализирует в себе определенные потенции, насыщается необходимой мотивацией, привносит в наличную ситуацию недостающие смыслы за счет «энергетики родства» – ощущения символической связанности, сходства, смежности фрагментов собственного опыта с опытом предков («бабушка была счастлива в браке с этим колечком, и я, получив его, буду счастлива», «деда на войне от пули спас этот значок, и меня спасет», «эта счастливая монетка всем в семье приносила удачу, и мне поможет на экзамене»).

Социализирующие возможности этого кластера предполагают преимущественное воздействие на эмоциональную составляющую «Я-концепции» и создают условия для *укрепления внутренних микросоциальных связей*, усиления фамилистических переживаний (чувства «Мы», переживания «Я – как они [предки, родственники]»). Его содержание акцентируется не столько на самобытности и личностной автономии членов семьи, сколько на сходстве характеров и общности судьбы. Как следствие, он порождает виртуальные взаимные обязательства, коллективистические внутрисемейные установки, предполагающие необходимость взаимовыручки, поддержки более успешными членами семьи менее успешных даже не ради их самих, а «во имя семьи».

Хотя сегодняшние социальные тренды разрушают эту патриархальность вместе с изменением быта и модой не хранить ничего сверх необходимого личности «здесь-и-теперь», тем не менее знаки символического «присутствия предков в жизни» для многих людей все еще оказываются значимыми.

Кластер «Семейные нарративы» – важнейший кластер семейной микрокультуры, интегрирующий сохранившийся во времени опыт рода. По сути, это вербализованная «семейная память», коллективная биография, рассказываемая история семьи – эпизоды «родовых саг» в их разнообразных формах (мемораты, хроникаты, фабулаты, предания, легенды). Имея обширное повествовательное содержание, он включает два смежных кластера нарративов – родословные, о которых мы упоминали выше, и личные истории. Иногда семейные нарративы и родословные рассматриваются как тождественные, но все же понятие семейных нарративов шире привычного понятия семейных родословных, поскольку не только содержит информацию о сформировавшихся во времени родственных связях, но и вербализованные эпизоды единичного опыта отдельных членов рода.

Родословные и личные истории различаются по тематике: если родословные, являясь семейным историческим нарративом (или «хроникатом» – документально зафиксированными фактами истории рода [24. С. 184]),

по большей части включают предания о происхождении фамилии и «первопредке», рассказы о ярких переломных моментах семейной истории, тексты о создании и распаде семьи, рождении и смерти ее членов, частные родословные семейных ветвей и т.п., то внутрисемейные нарративы сильнее погружены в индивидуальные автобиографии, поэтому включают смешные и необычные истории, рассказы об уникальном опыте, пережитом единожды кем-то из членов семьи, но сохраняющимся в ее памяти, тексты рефлексивного порядка, выстроенные вокруг экзистенциальных, «заветных», запретных или потайных для человека тем и т.д.

В каждом роду есть личности, рассказ о которых составляет основу и центр корпуса семейных историй, а сами родные делятся на «выдающихся» и «простых». «Выдающиеся» предки – это члены семьи (как правило, бабушки и дедушки, реже – прабабушки и прадедушки, далее все остальные), получившие хорошее образование, «выбившиеся в люди», достигшие «известности», много знающие и умеющие, сделавшие карьеру, а также обладающие особыми способностями, персональными качествами или отличающиеся экстравагантным поведением, пережившие серьезные жизненные испытания (война, голод, сиротство, трагические события) или совершившие геройские или романтические поступки (побег из семьи ради замужества или «воплощения мечты») [24]. Их судьба неявно транслирует концепты неординарности, исключительности, даже некоей загадочности личности предка (откуда у предка необычный талант, как ему хватило смелости и мужества оставить семью и уехать вслед за мечтой, как правило, составляет загадку индивидуальности и представляет собой экзистенциальный соблазн), которые могут «перейти» к потомкам.

В центре личных историй, в отличие от родословных, оказываются отношения между членами семьи, другими людьми, отрефлексированное самоотношение и объективированные смыслы индивидуального существования. В них в большей степени фиксирован удачный / неудачный сценарий жизни отдельного человека – уже закончившейся, а потому демонстрирующей смысл, который может быть принят / отвергнут другими членами семьи. Конечно, каждое новое поколение родственников и даже каждый конкретный член семьи может извлечь из автобиографического нарратива нечто свое и не свободен от того, что З. Фрейд называл «nachträglichkeit – изменением видения событий жизни (как своей, так и чужой) под воздействием накапливаемого опыта. Это явление принадлежит к числу неотъемлемых свойств психики и позволяет человеку осуществлять непрерывное переосмысление хода своей жизни, отвергать устаревшие смыслы и конструировать новые» [40. С.7].

Все семейные мемуары выполняют общие *функции*: одни служат свидетельством социального статуса членов семьи и ее престижа, другие упоминаются как образец негативного опыта, третьи транслируют «семейную судьбу» или аккумулируют комплекс представлений о нормах поведения, «законах» и принципах, исповедуемых в семье и т.п. Семейное нарративное пространство выступает стабилизатором межпоколенных связей, сред-

ством поучения, наставления, самоопределения ее членов, выражения ностальгических чувств, формирования смысложизненных и ценностных ориентаций [24], создает для ребенка образ желательной социальной значимости, служит средством обретения идентичности [41].

Психосемантическое содержание кластера представлено совокупностью разноплановых устных и письменных текстов, имеющих ограниченное хождение (как правило, только среди членов семьи), сохраняемых в семейном коммуникативном пространстве и передаваемых при необходимости ее новым членам. Вне зависимости от их повествовательной развернутости или обобщенности и отсутствия подробностей, открытости или закрытости, они понятны родственникам и легко дешифруются ими до внутреннего посыла, наставления, правила, образа или представления [10]. Эти тексты концептуализируют представления членов семьи о способах проживания жизни, отношении к разным сферам бытия, людям и миру в целом, жизненные уроки и принципы, а также содержат итоги осмысления, метафоризации и символизации конкретных эпизодов личного опыта и тем самым направлены на структурирование и укрепление внутрисемейного взаимодействия. Собственно, семейные нарративы и делают семью специфическим *коллективным носителем опыта*, созидающим и фиксирующим свою самобытность в специфическом микрокультурном пространстве.

«Носителями» значений в этом кластере являются *сюжеты и персонажи личных историй*, служащие объектами идентификации. Они несут целый спектр разнообразных концептов, трудно поддающихся простой классификации в силу их завязанности на конкретных обстоятельствах жизни семьи. Эти сюжеты апеллируют к прецедентному опыту отдельных членов семьи, который не только сосредоточен вокруг нормативных событий биографии (появления на свет, получения образования, женитьбы и т.д.), но и – формируя опыт экзистенциальный – единичных событий (необычных происшествий, случайных везений, избавлений от несчастий, неожиданных выигрышей, странных прозрений, оправдавшихся предчувствий, эпизодов, связанных с синхронистичностью и интуицией, сновидениями и столкновением с уникальными явлениями и пр.). Рассказы об этом опыте особенно ценимы в семье.

Социализирующее воздействие этого кластера – аккумуляция коллективной памяти, удержание в ней определенных личностных и поведенческих образцов для идентификации, демонстрирующих своеобразный «семейный стиль». «Точками приложения» становятся разговоры по душам в определенные (как правило, лиминальные) моменты жизни члена семьи, когда ему нужны совет, помощь, поддержка, опора для принятия решения. Здесь отчетливо видна прецедентная функция семейной микрокультуры: когда невозможно дать прямую рекомендацию, можно воспользоваться семейными прецедентами, рассказав личную историю из жизни старшего поколения (она и выступит своеобразной «зоной ближайшего развития» для члена семьи). Кроме того, ассимиляция содержания личных историй старшего поколения семьи за счет эмоционального отклика на них способ-

ствуется самопониманию; за счет внутрисемейного толерантного отношения к самобытности и даже отклоняющемуся поведению родственников снижает страх перед индивидуацией, выражением и защитой самобытности и уникальности собственного «Я»; за счет интериоризации смыслов уже состоявшихся и завершенных жизней предков помогает актуализации мотивации самоизменения в ту или иную сторону.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что семейная микрокультура есть самостоятельный подлежащий психосемантическому анализу феномен, который объединяет родственную микрогруппу, ограничивает ее от других семейных групп, формирует и поддерживает внутрисемейную солидарность, а также является фундаментом личностного становления человека и моделирования контуров его жизни. Семейная микрокультура может быть определена как специфическая психосемантическая реальность, порождающая у каждого из членов конкретной семьи когнитивно-образную модель самовосприятия и поведения. Структурно-содержательная модель семейной микрокультуры может включать четыре кластера со специфическими функциями, уникальным психосемантическим содержанием, самостоятельными вещными и текстовыми «носителями», а также многочисленными социализирующими возможностями в пространстве семьи: «Семейные ритуалы и традиции», «Семейно-родственные связи», «Пространственно-предметный мир семьи», «Семейные нарративы».

Литература

1. Писарева А.А. Значимость образа родителя в психологическом консультировании подростка // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2017. № 1. С. 75–78.
2. Сапогова Е.Е. Семейная микрокультура как ресурс развития личности // Семья и дети в современном мире / под ред. В.Л. Ситникова. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. Т. IV: Семья. Дети. Социум. С. 420–428.
3. Пикхорд К. Кто украл моего ребенка. М. : Росмэн, 1998. 120 с.
4. Gillies V. From Function to Competence: Engaging with the New Politics of Family // Sociological Research Online. 2011. 16 (4). P. 1–11. URL: <http://www.socresonline.org.uk/16/4/11.html>
5. Смирнов Т.А. Социализация личности в социокультурном пространстве семейного тела // Философские науки. 2012. № 4. С. 191–196.
6. Антонова Н.В. Проблема личностной идентификации в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.
7. Родители и дети. Психология взаимоотношений / под ред. Е.А. Савиновой, Е.О. Смирновой. М. : Когито-Центр, 2003. 230 с.
8. Шутценберг А.А. Синдром предков: трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. М. : Ин-т психотерапии, 2005. 256 с.
9. Яковенко И.Г. Базовые идентичности и социокультурные основания их трансформации: факторы, тренды, сценарии // Мир психологии. 2004. № 3. С. 28–37.
10. Павлова А.А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера. Белгород : Изд-во БелГУ, 2004 162 с.

11. Троцук И.В., Парамонова А.Д. «Статус» института семьи в современном обществе и семейно-брачные ценности молодежи // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2016. Т. 16, № 3. С. 542–556.
12. Замаева Г.П., Телегина Г.А. Социологический портрет современной российской семьи // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 210–220.
13. Григорьева С.И. Семья как социальный институт формирования личности // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2012. № 4. С. 59–63.
14. Киселева Е.В. Семья как социокультурная ценность // Вестник славянских культур. 2016. Т. 39, вып. 1. С. 76–83.
15. Ульяновская Ю.С. Актуальные вопросы изучения семьи как малой группы с позиций аксиологического подхода // Управление в современных системах. 2017. № 2 (13). С. 63–74.
16. Банин И.Н., Воробьев И.И., Степанова Н.В. Феномен перенятых чувств, законы семейной системы // Прикладные информационные аспекты медицины. 2014. № 1. С. 26–31.
17. Берсенева Т.А. Уклад жизни как объект педагогического исследования // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 59. С. 7–14.
18. Коваленко А.В. Философия семьи: некоторые методологические аспекты // Философия права. 2012. № 6. С. 116–120.
19. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс. М. : Ун-т «Синергия», 2016. 192 с.
20. Raleigh D. Soviet Baby Boomers: an Oral History of Russia's Cold War Generation. Oxford, NY : Oxford University Press, 2012. 420 p.
21. Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation. Princeton : Princeton University Press, 2006. 352 p.
22. Сапогова Е.Е. Лабиринты автобиографии: экзистенциально-нарративный анализ личных историй. СПб. : Алетей, 2017. 364 с.
23. Низовских Н.А. Жизненные принципы в личностном саморазвитии человека : автореф. дис. ... д-ра психол. Наук : 19.00.01. М., 2010. 44 с.
24. Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М. : Индрик, 2001. 376 с.
25. Нозикова Н.В. Анализ психосемантической системы семейной целенаправленности у мужчин // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12, № 2. С. 69–79.
26. Сапогова Е.Е. Экзистенциальный статус родительского образа во внутренней картине мира взрослого человека // Семья и дети в современном мире : сб. материалов конф. / под общ. и науч. ред. В.Л. Ситникова. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. Т. VI. С. 1215–1220.
27. Эриксон Э. Детство и общество. СПб. : Питер, 2019. 448 с.
28. Скрипкина Т.П. Антиномия доверия к миру и доверия к себе в человеческом бытии // Развитие личности. 2011. № 3. С. 111–131.
29. Богданов К.А. Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб. : Искусство, 2001. 440 с.
30. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собр. соч. : в 6 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 3. С. 5–313.
31. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М. : Академический проект, 2015. 240 с.
32. Sikes K. The Traditional Family vs. the Modern Family // Academia: Lubbock Christian University, 2013. P.1-7. URL: <https://www.coursehero.com/file/18671262/Traditional-Family-vs-Modern-Family/>
33. Bengtson V.L. Beyond The Nuclear Family: The Increasing Importance of Multigenerational Bonds // Journal of Marriage and Family. 2001. № 63 (1). P. 1–16.

34. Мазалова Н.Е. «Состав человеческий»: человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб. : Петербургское востоковедение, 2001. 192 с.
35. Адоньева С.Б. Символический порядок. СПб. : Пропповский центр, 2011. 167 с.
36. Новикова М.Л. Хронотоп как остранинное единство художественного времени и пространства в языке литературного произведения // Филологические науки. 2003. № 2. С. 60–69.
37. Социология вещей / под ред. В.С. Вахштайна. М. : Территория будущего, 2006. 392 с.
39. Шпенглер О. Закат Европы // Культурология. XX век : антология. М. : Юрист, 1995. С. 432–453.
39. Шюц А. О множественности реальности // Социологическое обозрение. 2003. № 2, т. 3. С. 3–34.
40. Калмыкова Е.С. Опыты исследования личной истории. М. : Когито-Центр, 2015. 214 с.
41. Граматчикова Н.Б., Эльстон-Бирон И.Н. Метаморфозы семейной истории: от Сигитовых к Эльстон-Биронам // Сибирские исторические исследования. 2017. № 3. С. 192–220.

*Поступила в редакцию 13.08.2020 г.; повторно 23.11.2020 г.;
принята 30.11.2020 г.*

Сапогова Елена Евгеньевна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии образования факультета педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета.

E-mail: esapogova@yandex.ru

Горелкина Мария Александровна – аспирант факультета педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета.

E-mail: mgorelkina@yandex.ru

For citation: Sapogova, E.E., Gorelkina, M.A. Psychosemantic Aspects of Family Microculture. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2021; 80: 67–90. doi: 10.17223/17267080/80/4. In Russian. English Summary

Psychosemantic Aspects of Family Microculture

E.E. Sapogova^a, M.A. Gorelkina^a

^a *Moscow Pedagogical State University, 1, Malaya Pirogovskaya, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract

In the framework of the existential-narrative approach developed by the authors, the ideas about the family as a special microcultural system are defined. Family microculture is considered as a psychosemantic reality built up during the family formation, reproducing itself in history and generating a figurative and cognitive model of self-perception, behavior and lifespan for each of the family members. This is a form of family subjectivity, which appears as a result of the particular psychological way of life that has developed over the course of cooperative existence of several family generations and provides for intrafamily psychological similarity. Family microculture transmits an assimilated and concentrated in texts experience to a growing subject. This experience is generally suitable for a number of situations that the family considers significant and that can potentially occur on a person's life path. The subject interiorizes this experience not so much as a role model and reproduction, but as a general modus, as the logic of behavior, hidden in everyday life and approved by the micro-social environment. The presented analysis of the content of family microculture allows us to understand it as a special precedential psychosemantic reality. Intra-family psychosemantics often appears in the consciousness of a developing person as a “pre-life-experienced” sample,

which subsequently determines the choice and perception of other images, units, texts, especially when a person has no individual experience with the realities which they describe. The authors propose a structure and content model of family microculture, in which four clusters are distinguished: “Family rituals and traditions” (contributes to the establishment of basic patterns and models of human interaction with the surrounding reality and corresponds to the behavioral part of the developing “Self-concept”), “Family and genealogical connections” (determines the formation of figurative and cognitive self-representations in the context of other family members existence and the family as a whole, experiences of intrafamily affinity and psychological similarity), “Spatial and material milieu of a family” (identifies relationships between family members through artefacts and the organization of home space, builds semantic-symbolic connections of a man and his family genealogy, influencing his emotional sphere and value orientations) and “Family Narratives” (concentrated on the value-semantic and motivational components of the “Self-concept”, facilitating individuation and promoting the subject’s adaptation to reality). Each of the clusters is presented in four dimensions: 1) its specific function in the family microculture; 2) its psychosemantic content; 3) action and/or material “carriers” of this content; 4) “points of application” - socializing potentials that fix certain semantics in the personal autobiographical memory.

Keywords: family as a psychosemantic system; precedent function; family microculture; family narratives; family traditions; family genealogies; spatial and material milieu of a family.

References

1. Pisareva, A.A. (2009) Significance of the image of parents in teenager psychological counseling. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 105. pp. 188–192. (In Russian).
2. Sapogova, E.E. (2018) Semeynaya mikrokul'tura kak resurs razvitiya lichnosti [Family microculture as a resource for personality development]. In: Sitnikov, V.L. (ed.) *Sem'ya i deti v sovremennoy mire* [Family and children in the modern world]. Vol. 4. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University. pp. 420–428.
3. Pickhardt, C. (1998) *Kto ukral moego rebenka* [Who stole my child]. Translated from English. Moscow: Rosmen.
4. Gillies, V. (2011) From Function to Competence: Engaging with the New Politics of Family. *Sociological Research Online*. 16(4). pp. 1–11. DOI: 10.5153/sro.2393
5. Smirnov, T.A. (2012) Personality socialization in social-cultural space of family body. *Kazanskaya nauka – Kazan Science*. 4. pp. 191–196.
6. Antonova, N.V. (1996) Problema lichnostnoy identifikatsii v interpretatsii sovremennoy psikhoanaliza, interaktsionizma i kognitivnoy psikhologii [The problem of personal identification in the interpretation of modern psychoanalysis, interactionism and cognitive psychology]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 131–143.
7. Savinova, E.A. & Smirnova, E.O. (eds) (2003) *Roditeli i deti. Psikhologiya vzaimootnosheniy* [Parents and children. Psychology of Relationships]. Moscow: Kogito-Tsentr.
8. Shuttensberg, A.A. (2005) *Sindrom predkov: transgeneratsionnye svyazi, semeynye tayny, sindrom godovshchiny, peredacha travm i prakticheskoe ispol'zovanie genosotsiogrammy* [Ancestral Syndrome: Transgenerational Relationships, Family Secrets, Anniversary Syndrome, Trauma Transmission, and the Practical Uses of the Genosociogram]. Moscow: Institute of Psychotherapy.
9. Yakovenko, I.G. (2004) Bazovye identichnosti i sotsiokul'turnye osnovaniya ikh transformatsii: faktory, trendy, stsennariy [Basic identities and socio-cultural foundations of their transformation: factors, trends, scenarios]. *Mir psikhologii – World of Psychology*. 3. pp. 28–37.
10. Pavlova, A.A. (2004) *Zhanr, gipertekst, intertekst, kontseptosfera* [Genre, hypertext, intertext, concept sphere]. Belgorod: Belgorod State University.

11. Trotsuk, I.V. & Paramonova, A.D. (2016) "Status" of family institution in the contemporary society, and family and marriage values of the youth. *Vestnik RUDN. Ser. Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 16(3). pp. 542–556.
12. Zamaraeva, G.P. & Telegina, G.A. (2017) Social policy impact on the civil unity of the Russians. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politexnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki – PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 4. pp. 210–220. (In Russian). DOI: 10.15593/2224-9354/2017.4.5
13. Grigorieva, S.I. (2012) The family as a social institute for personality maturing. *Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya: teoreticheskie podkhody i prikladnye issledovaniya*. 4. pp. 59–63. (In Russian).
14. Kiseleva, E.V. (2016) The family as a socio-cultural value. *Vestnik slavyanskikh kul'tur – Bulletin of Slavic Cultures*. 39(1). pp. 76–83. (In Russian).
15. Ulyanovskaya, Yu.S. (2017) Actual issues of studying the family as a small group from the positions of the axiological approach. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*. 2(13). pp. 63–74. (In Russian).
16. Banin, I.N., Vorobiev, I.I. & Stepanova, N.V. (2014) Phenomenon of repossessed feelings, the laws of the family system. *Prikladnye informatsionnye aspekty meditsiny – The Journal of Theoretical and Applied Medical Research*. 1. pp. 26–31. (In Russian).
17. Berseneva, T.A. (2008) Tenor of life as an object of pedagogical research. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 59. pp. 7–14. (In Russian).
18. Kovalenko, A.V. (2012) Some aspects of the scientific and philosophical understanding of the family. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 6. pp. 116–120. (In Russian).
19. Shamis, E. & Nikonov, E. (2016) *Teoriya pokoleniy. Neobyknovennyy Iks* [Theory of Generations. Extraordinary X]. Moscow: Sinergiya.
20. Raleigh, D. (2012) *Soviet Baby Boomers: an Oral History of Russia's Cold War Generation*. Oxford, NY: Oxford University Press.
21. Yurchak, A. (2006) *Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation*. Princeton: Princeton University Press.
22. Sapogova, E.E. (2017) *Labirinty avtobiografii: ekzistentsial'no-narrativnyy analiz lichnykh istoriy* [Autobiography Labyrinths: An Existential Narrative Analysis of Personal Stories]. St. Petersburg: Aleteyya.
23. Nizovskikh, N.A. (2010) *Zhiznennyye printsipy v lichnostnom samorazvitiy cheloveka* [Life principles in personal self-development]. Abstract of Psychology Dr. Diss. Moscow.
24. Razumova, I.A. (2001) *Potaennoe znanie sovremennoy russkoy sem'i. Byt. Fol'klor. Istoriya* [Hidden knowledge of the modern Russian family. Everyday Life. Folklore. History]. Moscow: Indrik.
25. Nozikova, N.V. (2016) Analysis of Psychosemantic System of Family Goal-Directedness in Men. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*. 12(2). pp. 69–79. (In Russian). DOI: 10.17759/chp.2016120207
26. Sapogova, E.E. (2020) Ekzistentsial'nyy status roditel'skogo obraza vo vnutrenney kartine mira vzroslogo cheloveka [The existential status of the parental image in an adult's inner picture of the world]. In: Sitnikov, V.L. (ed.) *Sem'ya i deti v sovremennoy mire* [Family and Children in the Modern World]. Vol. 6. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University. pp. 1215–1220.
27. Erickson, E. (2019) *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and Society]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
28. Skripkina, T.P. (2011) Antinomiya doveriya k miru i doveriya k sebe v chelovecheskom bytii [Antinomy of Trust in the World and Trust in Oneself in Human Being]. *Razvitie lichnosti*. 3. pp. 111–131.
29. Bogdanov, K.A. (2001) *Povsednevnost' i mifologiya. Issledovaniya po semiotike fol'klornoy deystvitel'nosti* [Everyday life and mythology. Research on the semiotics of folklore reality]. St. Petersburg: Iskusstvo.

30. Vygotsky, L.S. (1983) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Pedagogika. pp. 5–313.
31. Adler, A. (2015) *Praktika i teoriya individual'noy psikhologii* [Practice and theory of individual psychology]. Moscow: Akademicheskii proekt.
32. Sikes, K. (2013) *The Traditional Family vs. the Modern Family*. [Online] Available form: <https://www.coursehero.com/file/18671262/Traditional-Family-vs-Modern-Family/>
33. Bengtson, V.L. (2001) Beyond The Nuclear Family: The Increasing Importance of Multigenerational Bonds. *Journal of Marriage and Family*. 63(1). pp. 1–16. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2001.00001.x
34. Mazalova, N.E. (2001) “*Sostav chelovecheskiy*”: *chelovek v traditsionnykh somaticheskikh predstavleniyakh russkikh* [“Human composition”: a person in the traditional somatic perceptions of Russians]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
35. Adoniev, S.B. (2011) *Simvolicheskiy poryadok* [Symbolic order]. St. Petersburg: Proppovskiy tsentr.
36. Novikova, M.L. (2003) Khronotop kak ostranennoe edinstvo khudozhestvennogo vremeni i prostranstva v yazyke literaturnogo proizvedeniya [Chronotope as a detached unity of artistic time and space in the language of a literary work]. *Filologicheskie nauki – Philology. Theory and Practice*. 2. pp. 60–69.
37. Vakhshayn, V.S. (ed.) (2006) *Sotsiologiya veshchey* [Sociology of Things]. Moscow: Territoriya budushchego.
39. Spengler, O. (1995) Zakat Evropy [The Decline of the West]. In: Levit, S.Ya. (ed.) *Kul'turologiya. XX vek: antologiya* [Culturology. The 20th century: an anthology]. Moscow: Yurist. pp. 432–453.
39. Schutz, A. (2003) O mnozhestvennosti real'nosti [On the plurality of reality]. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 2(3). pp. 3–34.
40. Kalmykova, E.S. (2015) *Opyty issledovaniya lichnoy istorii* [Experiments in the study of personal history]. Moscow: Kogito-Tsentr.
41. Gramatchikova, N.B. & Elston-Biron, I.N. (2017) Metamorphoses of family history: from the Sigitovs to the Elston-Biron. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 3. pp. 192–220. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/17/11

Received 13.08.2020 ; Revised 23.11.2020;

Accepted 30.11.2020

Elena E. Sapogova – professor of the Department of Educational Psychology, Faculty of Pedagogy and Psychology, Moscow State Pedagogical University. D. Sc. (Psychol.), professor.
E-mail: esapogova@yandex.ru

Maria A. Gorelkina – post-graduate student of the Faculty of Pedagogy and Psychology, Moscow State Pedagogical University.
E-mail: mgorelkina@yandex.ru